

За дверью камеры слышались шаги, и один из стражников тревожно спросил:

— Капитан, вы ещё внутри?

Плечи Хуянь Кэ слегка вздрогнули. Тоба Фэн отломил кусок щебня от стены и, щелкнув пальцами, тут же зарядил им по голове притворявшегося мёртвым Хуянь Кэ.

Тот поспешно ответил:

— Да! Да!

Тоба Фэн кашлянул. Хуянь Кэ действовал сообразно обстоятельствам и понимал, что стоит ему только позвать на помощь, как Тоба Фэн, находящийся от него в пяти-шести шагах, одним махом легко лишит его жизни. Он предостерег:

— Не входи! Сторожи дверь в тюрьму! Никого не впускай.

Юньци покраснел до самых ушей. Он учащённо дышал, отчётливо чувствуя, как твёрдый член Тоба Фэна наполовину вошёл в его тело.

— Смотри, — прошептал Тоба Фэн.

Юньци запрокинул голову, боковым зрением глядя их тени. Его руки вне его контроля были вытянуты вперед, запястья высоко подняты и скованы, а бедра отведены назад в неестественной позе, словно у статного дикого коня.

У Юньци все поплыло перед глазами. Из его тела доносились волны острой боли, и он тихо взмолился:

— Ши-гэ... Позволь мне справить нужду...

Тоба Фэн равнодушно ответил:

— Потерпи.

С этими словами он продолжил входить.

Твёрдый длинный член погрузился внутрь больше чем наполовину. Юньци тяжело дышал, чувствуя, будто его пронзает насквозь. Несколько раз он был готов закричать, но, помня, что за дверью камеры стоит стражник, вынужден был стиснуть зубы и терпеть.

Снова слышались шаги.

Как только Юньци оказался под стражей, его недоброжелатели тут же решили забросать камнями упавшего в колодец*.

* Бросать камни в упавшего в колодец (□□□□) — обр. добивать лежачего.

Императорская тюрьма была построена в форме «□». Выход находился на одном конце, а Юньци и Тоба Фэн находились в самой дальней камере.

Из входа в темницу дальнюю её часть видно не было, но в помещении для допросов отчётливо слышались звуки со стороны входа.

— Великий воспитатель, Великий воспитатель, подождите немного... — поспешно остановил его один из стражников Полуденных ворот.

Тень Хуан Цзычэна отбрасывало на стену.

— Кто там внутри? — недовольно спросил он.

Тоба Фэн прекратил движения. Наклонившись, он обнял Юньци. Оба хранили молчание.

Тоба Фэн прошептал ему на ухо:

— Пришёл твой враг. Убить его?

— Разве ты не говорил, что не будешь убивать... — сквозь зубы прошипел Юньци.

— Просто помогу тебе его убить. Запишем это на твой счёт, — тихо ответил Тоба Фэн.

Мысль убить Хуан Цзычэна была слишком соблазнительной. Настолько, что Юньци не мог решиться. Хотя этот противный Великий воспитатель и не заслуживал смерти, было бы здорово как следует его проучить.

Стражник у двери в тюрьму ответил:

— Командир Хуянь сейчас допрашивает заключённого.

Хуан Цзычэн изумился и сразу понял, какой метод допроса используется. Он громко рассмеялся:

— Ха-ха! Отлично! Пусть от моего имени как следует допросит этого скота из рода Сюй!

Внезапно в голову Тоба Фэна пришла идея. Он потянул поясницу Юньци назад и, прижав его вплотную к своим бедрам, глубоко вошёл.

— А-а! — голос Юньци сорвался на крик, но тут же его крепко поцеловал Тоба Фэн, и он издал лишь приглушённое: «М-м-м...»

Услышав стон, Хуан Цзычэн с чувством глубокого удовлетворения удалился.

Тоба Фэн тихо спросил:

— Всё ещё больно?

Юньци глубоко вздохнул:

— Ещё... ещё терпимо. Нет, ты... как можно сейчас такое вытворять...

Тоба Фэн не боялся ни неба, ни земли. Теперь, с обнажённой мускулистой грудью и слегка спущенными штанами для ночных походов, он крепко обнял Юньци и, войдя в него сзади, начал медленно двигаться.

Юньци уже давно истосковался по Тоба Фэну, но никак не ожидал, что их воссоединение произойдёт в таком месте. В его сердце смешались стыд, гнев и предвкушение. Несколько раз он пытался вырваться, но не мог себя заставить. После нескольких нежных движений Тоба Фэна боль в его теле постепенно смягчилась, уступая место странному наслаждению, которое приносил толстый длинный член, расширяющий его задний проход.

— Я...

— Не бойся, — прошептал Тоба Фэн на ухо Юньци, начав глубоко в него вбиваться.

Сознание Юньци затуманилось. В животе нарастало желание помочиться, а сзади волны удовольствия доходили до самого затылка. Нижняя часть тела мучительно ныла, и он незаметно для себя возбудился от движений Тоба Фэна, оперевшись спереди в медный столб.

— По-ме-длен-нее... у-у.. а... — Юньци отчаянно застонал и мучительно произнёс: — Я сейчас... описаюсь, ши-гэ!

Голос Юньци становился всё громче. За дверью камеры снова слышались шаги, и оба невольно затаили дыхание.

Раздался залихватистый смех принцессы Шоучунь:

— Где Сюй Юньци?

«...»

Выражения лиц Тоба Фэна и Юньци стали крайне странными.

Уголок губ Тоба Фэна тронула улыбка, и он тихо проговорил:

— Очередной твой враг.

Юньци с трудом заставил свой голос звучать нормально:

— Ты тоже... к этому причастен.

Стражник у входа ответил:

— Ваше Высочество, командир Хуянь допрашивает этого негодяя.

Принцесса Шоучунь звонко рассмеялась и сказала:

— Эта благородная особа* специально приготовила кое-что вкусненькое для Сяо Юньци, но, видимо, не судьба. Как мой племянник-император мог отправить Сюй Юньци в темницу...

* Досл. «этот дворец» (□□) — обращались к себе императрицы и другие женщины высокого статуса, живущие в императорском дворце.

— Хе-хе-хе~~

— Ха-ха-ха~~

Стражник и принцесса Шоучунь обменялись понимающей улыбкой.

Принцесса Шоучунь приняла серьёзный вид и спросила:

— Сколько времени прошло, с тех пор как вошел командир Хуянь?

Стражник ответил:

— Отвечаю Вашему Высочеству, уже полшичэня.

Тоба Фэн слегка подался бедрами вперёд и сказал:

— Покричишь ещё немного?

Юньци, с трудом сдерживаясь, выдавил:

— Нет...

Тоба Фэн решительно снял верх своих обтягивающих одежд и прижался грудью к спине Юньци. Обняв его за талию, он спросил:

— Тогда позволим принцессе нас увидеть?

— Ты... с ума сошёл!

Тоба Фэн резко выскользнул наружу. Юньци судорожно вздохнул, ощутив, как тот окончательно снял короткие штаны, ранее спущенные до колен.

Так они стояли обнажённые, обнимая друг друга, без единого клочка одежды, которой можно было бы прикрыться. Юньци продолжал тихо молить о пощаде, но Тоба Фэн, не обращая на это внимания, направил свой член внутрь и принялся снова скользить внутрь и наружу.

— Я... а-а... — Тоба Фэн прижал Юньци к медной колонне. Чувствительный кончик его члена терся о холодный металл, позывы к мочеиспусканию в животе усиливались, и он был готов закричать в исступлении.

Принцесса Шоучунь всё ещё стояла за дверью темницы и спустя мгновение захихикала:

— А какие используются методы допроса? Позвольте присоединиться и этой благородной особе? — С этими словами она попыталась обойти стражника.

— Эй-эй... нельзя! — Стражник поспешно преградил путь принцессе Шоучунь.

Принцесса нахмурилась:

— Как ты смеешь!

Тоба Фэн кашлянул. Хуань Кэ, уткнувшись головой в железные прутья решётки, поспешил

громко воскликнуть:

— Не входите! Хе-хе-хе! Не утруждайте себя, Ваше Высочество.

Принцесса Шоучунь фыркнула, сказав:

— Допрашивай побыстрее. Когда закончишь, приходи во дворец Сиянь, мне есть что тебе сказать.

Хуянь Кэ тут же торопливо ответил:

— Да, да!

Принцесса Шоучунь наконец ушла. Голова Хуянь Кэ бессильно склонилась, и он снова потерял сознание.

— Теперь никого нет.

— Пёс Хуянь — человек. Он притворяется, что в обмороке, идиот... а!

— Он пёс, а не человек, — ответил Тоба Фэн. — Ты такой нудный.

«...»

Тоба Фэн скомкал тонкие короткие штаны и засунул Юньци в рот. В его глазах стояли слёзы, и он непрерывно мычал. Тоба Фэн, казалось, осознал, что сначала нужно разобраться с главным делом, а потом беспокоиться о мелочах.

Поэтому он отбросил все посторонние мысли и принялся энергично вколачивать в Юньци, отчего тому пришлось совсем тяжко.

Тоба Фэн прижался обнажённой грудью к спине Юньци, а перед ним самим находилась холодная медная колонна. Его возбуждённое мужское достоинство стояло прямо и в такт яростным толчкам Тоба Фэна непрерывно потиралось о металлическую поверхность, что причиняло головке боль, и в то же время наслаждение. Напряжённый член находился уже на пределе, и свисающая с него блестящая капелька под свирепым напором Тоба Фэна покачивалась из стороны в сторону.

— М-м-м-м... — Рот Юньци был заткнут, а руки связаны. Он начал отчаянно молить о пощаде. Мужчина уже не мог отличить, были ли накатывающие волны наслаждения надвигающимся оргазмом или предвестником недержания, но с закрытым ртом он совершенно не мог

высказаться.

Конечности Тоба Фэна были длинными и стройными, как у мощного леопарда. Он двигал бёдрами с такой скоростью, словно забивал сваи, то полностью извлекая член, то проникая до упора. Юньци несколько раз был на грани, но Тоба Фэн всякий раз вовремя останавливался. От толчков в глазах у Юньци потемнело. Он чувствовал, как мошонка Тоба Фэна ударяется о его промежность с тихим «па-па».

Это безумное наслаждение, одновременно мучительное, и приятное, обрушилось на переднюю часть тела Юньци, и он был на грани взрыва. Спустя мгновение Тоба Фэн воодушевившись, приподнял и закинул ногу Юньци, плотно прижав его к медной колонне. Мужчины держались за столб, к которому привязывали заключённых, и их обнажённые тела сливались воедино. Тоба Фэн одержимо целовал Юньци в ухо и шептал:

— Юньци, ши-гэ любит тебя...

У Юньци перехватило дыхание, и его расфокусированные зрачки резко сузились.

Тоба Фэн почувствовал, как Юньци в его объятиях непрерывно дрожал, изо всех сил сдерживая страстное желание. Сокращения внутри мгновенно доставили Тоба Фэну невыразимое наслаждение, и он начал входить и выходить с безумной силой, вбиваясь с яростью сокрушительного урагана.

— М-м-м...

Возбуждённый член Юньци прижимался к медной колонне, которая от жара их с Тоба Фэном тел чуть потеплела. От постоянного трения о неё он достиг предела.

Шаги слышались в третий раз.

— Кто позволил страже Полуденных ворот сюда приходить? — раздался недовольный голос Чжу Юньвэня.

Тоба Фэн издал глухой стон, и тёплая сперма заполнила проход Юньци.

— У-у... — Тело Юньци затряслось в судорогах, и на глазах навернулись слёзы. Его напряжённый член слегка дрогнул, и изверглась прозрачная жидкость. Сначала на медный столб брызнула прозрачная струйка мочи, произвольно излившаяся во время оргазма, а за ней следом выплеснулась и вязкая жидкость.

Сперма стекала по внутренней стороне стройных бёдер Тоба Фэна, и он, проведя рукой, её размазал. Его длинные пальцы задержались у промежности Юньци и сжали его возбуждённый член, нежно поглаживая.

Юньци испустил стон, прерывисто дыша, и внезапно его сознание прояснилось. Он понял, о чём думает Тоба Фэн.

Тот размышлял, не стоит ли ему сейчас вырваться наружу и убить Чжу Юньвэня.

— Ваше Величество! — Послышались торопливые шаги, и раздался голос Хуан Цзычэна: — Сорок семь человек из Цзиньивэй преклонили колени у Полуденных ворот...

Чжу Юньвэнь в гневе воскликнул:

— Что это значит?! Они все с ума посходили?!

Шаги удалились.

Юньци в изнеможении закрыл глаза, по-прежнему тяжело дыша. Тоба Фэн поцеловал его в шею и одной рукой развязал верёвки на запястьях. Взяв в охапку Юньци, он развернулся, уселся в углу камеры и вытащил из его рта короткие штаны.

— Я только что слышал...

— Не обращай внимания, — спокойно сказал Тоба Фэн, расправляя штаны и помогая Юньци надеть их. Он продолжал сжимать его в объятиях, оставаясь полностью обнажённым.

Юньци сидел боком между ног Тоба Фэна, прильнув лицом к его груди, и чувствовал сильное сердцебиение мужчины. Наконец-то они могут спокойно поговорить.

— Зачем ты сюда пришёл?

Тоба Фэн прошептал «тсс», прижал губы к уху Юньци и очень тихо, так, что слышно было только им двоим, произнес:

— Князь велел, чтобы ты оставался в императорском дворце...

Юньци взглянул на Хуань Кэ неподалёку и понял, что имел в виду Тоба Фэн.

Он пришёл спасти братьев Чжу, а это значит, что цель потянуть время уже была достигнута, и Чжу Ди скоро поднимет восстание. Если бы он увёл Юньци в Пекин, тот примкнул бы к лагерю Чжу Ди, а этот бунтовщик потерпел бы поражение, Юньци оказался бы в большой опасности.

Пока Юньци остается в императорском дворце, то может избежать угроз независимо от того, добьётся ли Чжу Ди успеха или нет.

Осознав это, Юньци встретился взглядом с Тоба Фэном, и тот вновь накрыл его губы своими. Они целовались, не желая расставаться друг с другом.

— Жди, когда ши-гэ придёт за тобой, — тихо произнес Тоба Фэн.

— Иди, — прошептал Юньци.

Взгляд Тоба Фэна помрачнел. Он поднялся, надел свою ночную одежду и вдруг о чём-то вспомнив, поднял меч «Семь звезд», примерившись к Хуянь Кэ. Его плечи оставались за решёткой, а голова торчала снаружи.

— Как думаешь, возможно отрубить ему голову деревянным мечом? — Присев в стойку всадника, Тоба Фэн, ухмыляясь, сделал замах.

Хуянь Кэ в ужасе пролепетал:

— Пощадите! Пощадите... Командир Сюй, не убивайте меня!

Юньци, не зная, смеяться ему или плакать, ответил:

— Ладно, не убивай его, у меня есть план.

Тоба Фэн, склонив голову набок, несколько мгновений разглядывал Хуянь Кэ, затем пнул его по заднице и сказал:

— А вдруг, когда он выйдет, то начнёт болтать о чем ни попадя?

Юньци ответил:

— Разве у нас не будет ещё больше проблем, если в императорской тюрьме появится мёртвое тело?

Тоба Фэн не мог решиться, и Юньци добавил:

— Он не посмеет сказать, не волнуйся. Иначе, если Юньвэнь захочет меня убить, он наверняка сначала убьёт его.

Тоба Фэн наконец всё обдумал, снова повернулся и взглянул на Юньци. В его глазах читалась глубокая неохота расставаться.

— Я пошёл, — сказал Тоба Фэн.

— Ступай*, — улыбнулся Юньци.

* Тоба Фэн сказал, что он уходит (qù le), на что Юньци ответил «qù nǐ de». Эта фраза может буквально означать «ступай», но также «иди ты!» или «да пошёл ты!» в шутливом тоне.

Тоба Фэн ушёл. Юньци в изнеможении прислонился к холодной тюремной стене. Он закрыл глаза и сложил руки перед собой, словно обнимая Тоба Фэна, который никогда его не покинет, — его жизненную опору.

— Сюй...

— Замолчи, — холодно бросил Юньци. — Пёс Хуянь, повиси там ещё немного. Молодой господин только что получил удовольствие, и у него нет сил тебя вытаскивать.

Хуянь Кэ оказался в крайне неловком положении. Он чисто символически дёрнулся, но услышал за дверью камеры голос Чжу Юньвэня:

— Прошу Великого воспитателя и канцлера Фана немедленно вывести Юнь-гэ... то есть командира Сюя.

Хуянь Кэ мгновенно пришёл в ужас, и голова его бессильно повисла. На этот раз он действительно упал в обморок от страха.

Значение слова «храбрость» всегда было труднообъяснимо. Мнения на этот счёт расходились.

До возвращения Юньци в столицу Цзиньвэй пребывали в панике. Все сильно беспокоились о своём будущем и благополучии семей. Однако в тот день, когда с Сюй Юньци действительно случилась беда и Чжу Юньвэнь без разбирательств бросил его в темницу, внезапно все перестали бояться.

Возможно, они просто разбивали котлы и топили лодки*, а может — желали отплатить за доброту. В конце концов, за все годы, что Юньци занимал должность командира, он никогда не кичился своим положением и всегда первым шёл навстречу трудностям. Когда Сюй Юньци потерял власть и был смещён, первым чувством Цзиньвэй стала не мысль «О, сменится начальство», а осознание: «Мы все пропали».

* Разбивать котлы и топить лодки (□□□□) — обр. отрезать себе путь к отступлению, сжечь мосты.

С тех пор, как Цзян Хуань подал в отставку по старости, и пост принял серьезно относящийся

даже к речам и смеху Тоба Фэн, все молчаливо признали, что настоящим их лидером был Сюй Юньци.

Он происходил из самой знатной семьи и был юношей, которому в наибольшей степени подходил вид роскошных парчовых одежд.

Теперь без Сюй Юньци никто не мог толком объяснить, что такое Цзиньвэй. Даже если стража «Цзинь» сохранит первенство среди остальных подразделений гвардейцев и будет назначен новый командир, все будет уже не так, как при Сюй Юньци.

Что же до знатности происхождения, разве кто-то мог превзойти в этом Юньци?

Однако Жун Цин смутно догадывался, что за этим скрывается какая-то серьёзная причина. Поэтому он велел не торопиться и распорядился, чтобы никто не выходил, а сам отправился к Чжу Юньвэню с просьбой позволить его подчинённым повидаться с Юньци. Лишь выяснив причину случившегося, можно было принять какое-либо решение.

Чжу Юньвэнь был серьёзно болен, находился в плохом духе и никого не принимал. Жун Цин столкнулся с сопротивлением: ему не разрешили встретиться ни с Юньци, ни с Саньбао. Когда он вернулся во двор и всё объяснил, десятки молодых людей впали в ярость.

— В прошлом, когда он был ещё внуком императора, что он говорил в нашем дворе в праздник Циси? — с негодованием воскликнул Ту Мин. — Все братья отчётливо это слышали! А теперь, когда заяц убит, из ненужной собаки варят похлёбку*. Захотел, отстранил, захотел, казнил! Стал императором, и так безобразно себя ведёт, разве это по-человечески?!

* Когда заяц убит, из ненужной собаки варят похлёбку (□□□□) — обр. устранять, уничтожать за ненадобностью.

Жун Цин жестом велел ему замолчать и, сдерживая собственный гнев, сказал:

— Разве вы не понимаете, что у императоров всегда сегодня на уме одно, а завтра другое? Когда покойный император взошёл на драконий трон, сколько полетело голов заслуженных деятелей, внесших огромный вклад в создание государства? И с кем из них он не водил крепкой дружбы?

Тут же кто-то выкрикнул:

— Среди тех, кто носит фамилию Чжу, нет ни одного достойного человека.

Хотя стражники во дворе обычно запугивали людей и занимались вымогательством, а их боевые навыки давно пришли в упадок, даже в таком состоянии их общая боевая подготовка оставалась сильнейшей во всей столице. К тому же Цзян Хуань при обучении учеников

приложил немало усилий, благодаря чему Цзиньвэй в вопросах тайных убийств, рукопашного боя и вооружённых столкновений по боеспособности почти могли соперничать с так называемыми «непобедимым войском», отрядом чудесных механизмов* и караулом Дояня.

* Отряд чудесных механизмов (奇巧营) — часть столичного гарнизона при дин. Мин, вооружённая огнестрельным оружием

Каждый из стражников Цзиньвэй, взяв лук со стрелами и сев на коня, становился метким стрелком, а вытащив меч Сючунь — убийцей. Если бы вспыхнули народные волнения, которые не удалось бы подавить, и во дворце бы произошёл мятеж, то они бы стали ужасающей силой. К счастью, Жун Цин сохранял ясность ума и понимал, что сейчас весь двор подобен пороховой бочке, готовой взорваться от малейшей искры. Он поспешно сказал:

— Я пойду спрошу наставника Цзяна. Посмотрю, что он скажет.

Ту Мин недовольно сказал:

— Жун-гэ-эр, спроси шинянь! На наставника Цзяна полагаться нельзя, в прошлый раз он ещё и избил Юньци...

Жун Цин со вздохом кивнул и той же ночью покинул дворец, направившись в Четвёртый переулок.

В это время нашёлся тот, кто любит совать нос не в свои дела, и предложил:

— Разве мы не видим, как советники императора постоянно стоят на коленях у дворца? Давайте и мы встанем на колени!

Эта дурацкая идея мгновенно получила поддержку нескольких человек. Кто-то ещё выругался:

— И Лао-цзы преклонит колени! Кто кого боится! Внук императора меняет свое мнение быстрее, чем перелистывает страницы в книге! Если хочет осудить Юнь-гэ-эра, то нужен хоть какой-то предлог! А так — взяли под стражу, не разрешают навещать, на каком это основании!?

— Встаем на колени у дворца! — закричал Ту Мин. — Все за мной!

Луна скрылась, и звёзды поредели. Был самый тёмный час перед рассветом.

Тоба Фэн в черных одеждах стоял под покровом ночи на самой высокой точке главного зала. На востоке небо заволгло молочным цветом, и весь Цзиньлин залился утренней зарёй. Алые лучи устлали главные улицы Императорского города.

У Полуденных ворот на коленях стояли в ряд Цзиньвэй.

Тоба Фэн молча смотрел на стражников неподалёку. Он помнил имя каждого, но они были от него так далеки.

У Тоба Фэна не было знатного происхождения. Он даже не знал, кто его родители, и не питал к ним никаких чувств. Раньше, встречая его, стражники Цзиньвэй лишь вежливо называли его «старшим». По сравнению с Юньци, доверие и привязанность, которые так надеялся получить Тоба Фэн, отличались как небо от земли.

Его вдруг охватило негодование. Чжу Юньвэнь ещё даже не казнил Юньци, а всё уже дошло до такой демонстрации; а если бы в тюрьме оказался он сам, кто бы просил за него о снисхождении?

Жун Цин — нет, Ту Мин — нет, Сунь Тао — и подавно нет... даже Чжан Цинь, которого он отпустил, тоже не стал бы. Тоба Фэн мог бы убить Чжан Циня, но ради Юньци пощадил жизнь единственного сына семьи Чжан.

Тоба Фэн понял: Юньци делил с ними жизнь и смерть.

«А с кем делил жизнь и смерть он сам?» — Тоба Фэн не удержался от вопроса самому себе. «Конечно же, с Юньци», — получил он единственный ответ.

Тоба Фэн снял деревянный меч, взял его в руку и, ожидая момента, когда Чжу Юньвэнь выйдет из главного зала, с грустью подумал: «Ему никогда не подходила роль лидера, лидером был Юньци».

Он, как и они, доверял лишь Юньци.

С лёгкой долей ревности и грусти Тоба Фэн увидел, как через Полуденные ворота въехала карета с выгравированным символом усадьбы Цзян.

Тоба Фэн смотрел, как Цзян Хуань откидывает занавеску и выходит, а Су Ваньжун, взяв его за руку, грациозно спускается с экипажа.

Тоба Фэн с каменным лицом вернул меч за спину. Пока здесь Су Ваньжун, сегодня он не сможет причинить Чжу Юньвэню ни малейшего вреда.

Цзян Хуань намеренно или случайно бросил взгляд на вершину главного зала.

Су Ваньжун, держась за руку Цзян Хуаня, прошла мимо десятков стражников Цзиньвэй, стоявших на коленях у Полуденных ворот, не удостоив своих учеников взглядом, и

остановилась у входа в главный зал.

Цзян Хуань, дрожа, опустился на колени.

Тоба Фэн прошептал:

— Шифу, шинян, братья, вы все... очень несправедливы.

Мечник спрыгнул с глазурованной черепицы. Взлетая на карнизы и ходя по стенам, он ушел вдоль бокового зала, и его одинокая фигура исчезла в тени дворцовой ограды.

Тысячи сверкающих лучей разливались по полям, словно жидкое золото. Ещё одно утреннее солнце взмыло над горизонтом.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14987/1326088>